

МАРИНА СЕРОВА

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Серия
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Последний шанс

«Научная книга»

2009

Серова М. С.

Последний шанс / М. С. Серова — «Научная книга»,
2009 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Жители города потрясены кончиной известного скульптора. Накануне открытия памятника знаменитому поэту он гибнет в автомобильной катастрофе. В тот же день преуспевающий владелец кафе заявляет о пропаже компьютера, содержащего ценнейшую информацию. Кроме того, бесследно исчезает бомж, постоянно ошивавшийся возле кафе. Как оказалось, перечисленные события связаны между собой. Однако, прежде чем обнаружить эту связь, частному детективу Татьяне Ивановой пришлось рисковать жизнью. А также проявить весь свой недюжинный ум и смелость, чтобы вычислить и обезвредить коварных преступников...

© Серова М. С., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Марина Серова

Последний шанс

Глава 1

Незабвенный Винни Пух говаривал: «Мед – это очень странный предмет, если он есть, то его сразу нет». То же можно сказать и о деньгах. Они имеют потрясающую способность просачиваться меж пальцев с невероятной быстротой. Еще вчера ты ощущал себя Рокфеллером, а сегодня соображаешь, у кого бы занять на хлеб, а на хлеб ты уже привык мазать икорочку, и это несколько сужает круг спонсоров. Приходится выбирать: или не есть вообще, ожидая благодетеля, или снизить уровень запросов. И то и другое крайне неприятно и обидно. Терпеть не могу отказывать себе в мелких прихотях, но еще меньше люблю отдавать долги, поэтому предпочитаю их не делать. Почему-то сентябрь – самое безденежное время года. Вроде бы пол-лета, вместо того чтобы лежать на пляже, я вкалываю в прямом смысле в поте лица, а к осени, оказывается, финансов мне не хватает даже на кофе. Конечно, летом шире круг соблазнов, но не до такой же степени!

Мне не везло: тарасовская преступность решила сделать передышку, а все потенциальные клиенты отбыли в места, где унылые сентябрьские дни получили незаслуженно романтическое название «бархатный сезон». То есть, выражаясь проще, я – безработная и полный банкрот в одном лице. Явись сейчас предо мной добрый волшебник с благородным предложением по шучьему велению, по моему хотению уничтожить все зло на свете, я бы послала его подальше. Да, я борюсь с людьми, нарушившими закон, но без них я загнусь. Доказательство тому – мое нынешнее бедственное положение. Пока люди гибнут за презренный металл, я процветаю.

Так я размышляла, лежа на диване и разглядывая потолок. За окном собирался дождь, у меня болело горло, жизнь не удалась. Если бы, как большинство нормальных граждан, я работала на нормальной работе, то сидела бы сейчас на оплачиваемом больничном. И мое отсутствие всеми было бы замечено. Меня навещали бы сослуживцы с сумками, полными дачных, «экологически чистых» яблок. Больным нужны витаминчики. Постоянно звонили бы обеспокоенные тяжестью моего состояния коллеги. О моем здоровье справлялось бы начальство, поругиваясь: полно, мол, дел, а она отлынивает.

Мне стало себя очень жалко. Бедная я, несчастная, помрешь, и ни одна собака об этом не узнает. Лишь через неделю найдут обглоданный озверевшими от голода тараканами труп. Никто обо мне не всплакнет, родственники поделят между собой оставшееся после меня имущество, преступники вконец обнаглеют, а друзья вычеркнут номер телефона из записных книжек. Умру в болезни и нищете, как многие великие люди. Я напряглась, вспоминая хотя бы одно громкое имя. На ум пришел только Колумб, и то у меня были веские сомнения на счет обстоятельств его кончины.

Но что поделаешь, не суждено мне трудиться в коллективе; меня, как волка-одиночку, кормят ноги. И тут я вспомнила, что у недавно приобретенных туфель отвалился каблук. Надо будет идти в магазин отстаивать свои потребительские права... Я громко застонала. Очень глупый поступок. Не потому, что кто-нибудь из соседей, услышав стоны, неправильно меня поймет, примет, к примеру, за ненормальную, а из-за дико засадившего вдруг горла. Я тут же попыталась придумать эпитафию на свою смерть, но потерпела полное фиаско; голова раскалывалась.

Режущий ухо перезвон телефона не обрадовал. Я с ненавистью посмотрела на источник шума. Увы, воспламеняющей силой мой взгляд не обладал, и телефон продолжал действовать

на нервы. Почему он и все его собраты обладают пронзительными и визгливыми голосами? На своем веку ни разу не встречала благозвучного телефонного звона.

– Могу я поговорить с Татьяной Александровной Ивановой? – спросила телефонная трубка приятным баритоном.

– Я. – Сглотнув, я поморщилась. Длинные фразы мне не давались.

– У нас есть к вам предложение. Удобно ли вам будет сейчас подъехать по адресу... – Он назвал номер дома на одной из центральных улиц.

– Буду, – просипела я.

Человек – существо неблагодарное. Всего минуту назад я мечтала о какой-нибудь работе. Богам опротивело мое нытье, и вот смиростивившаяся Судьба подкидывает клиента. Я радуюсь? Нет, нет и нет! Я продолжаю изучать потолок и страдать. На улице похолодало (градуса на два), ураганный ветер (верхушки деревьев не колышутся), и вообще, идти мне никуда не хочется, а ехать не на чем – бензин закончился.

Кряхтя, я поднялась со своего четвероногого друга и, стараясь не заглядывать в зеркало, чтобы не расстраиваться, постаралась придать себе человеческий вид. То есть завязала волосы в узел, напялила джинсы, свитер и ветровку, влезла в кроссовки, подхватила сумку. Каждое движение отдавалось в болевшей голове. К моменту полной боевой готовности у меня появилась одышка, колени дрожали, я обливалась потом.

Вздрагивая от каждого дуновения ветерка, я добрела до названного по телефону дома. Я пообщалась с хозяином по домофону на предмет установления личности.

Дверь мне открыл немолодой дядька. В конце оклеенного шелковыми обоями коридора маячил еще один, почти точная копия первого. Так, по-моему, выглядели бы гоголевские Бобчинский и Добчинский, если бы стали городничими, приобрели деньги, власть и положение в обществе. Оба невысокие, полные, с редкими волосиками, одеты по-домашнему – в спортивные штаны и войлочные тапочки. У каждого по шейной золотой цепочке с крестом и по золотой печатке на мизинце.

– Вы Татьяна Александровна? – недоверчиво переспросили они почти хором.

– Я, – в зеркальных потолках отразилось что-то, мало похожее на меня обычную.

– Лев Дмитриевич Сошкин, – представился первый.

– Иван Сергеевич Мальков, – не отставая от него, вторил другой.

– Вы проходите. Присаживайтесь, – засуетились мужички.

– Вот здесь удобнее.

– Чаю хотите?

Я отрицательно помотала головой: глотать было страшно.

– Мы вот по какому поводу. – Дядьки переглянулись и не то чтобы засмутились, а как-то замялись. Я не без труда ободряюще улыбнулась. – Лев Дмитриевич живет на втором этаже, как раз подо мной.

– Супруга уехала с детьми на Канары, а ее бульдожка скучает, лает, глаз сомкнуть не дает, – пожаловался Лев Дмитриевич.

– А у меня с детства бессонница, – вторил ему Иван Сергеевич.

– Вчера день был солнечный, теплый.

– У нас внизу летнее кафе еще не закрыли.

– Но сейчас народу в нем мало. Холодно все-таки.

– А летом все ночи напролет какие-то, простите, мерзавцы в нем гуляли.

– Дым коромыслом стоял.

– Спать невозможно.

Они продолжали возмущаться, а я горестно недоумевала: зачем они меня позвали? Для чего я рассталась с диваном? Дяденькам, похоже, скучно, погода плохая, жены разъехались, телефон доверия надоел. Почему в таком случае не помучить жалобами частного детектива,

пользуясь моей временной безгласностью. Правильно, я лучше бульдога, все понимаю, молчу, не лаю и пока не кусаюсь.

И вдруг:

– Ночью я слышал выстрел.

– А я говорю, это открывали шампанское.

– За этим мы вас и пригласили, – мужички выжидающе уставились на меня. Задумавшись, я, наверное, пропустила в их повествовании что-то важное. Не то у меня было состояние, чтобы притворяться любезной.

– Что... от меня... хотите? – прохрипела я.

– Да, да! – засуетились мужички. – Мы же еще не объяснили. Иван Сергеевич считает – вчера у нас под окнами было совершено убийство.

– А Лев Дмитриевич полагает, что хлопнула пробка.

– Мы поспорили и хотим, чтобы вы разрешили наш спор.

– Как? – У меня не было сил даже на то, чтобы удивляться.

– Вы должны выяснить, имело место убийство или нет.

– Будете у нас кем-то вроде арбитра.

– Мы поспорили на пятьсот долларов. Выигравший уступает вам половину.

– О расценках моих слышали? – тоскливо прошептала я. Так и знала, зря время теряю.

– Конечно, конечно!

– Но мы подумали, вам же не надо расследовать преступление, не надо искать убийцу, причину, заказчика.

– Только найти доказательства убийства.

– Наверное, это не займет много времени.

– И не очень обременительно.

Мне показалось – или в их голосах и впрямь проскочило сочувствие? Однако жалость ко мне не заставила их отказаться от затеи.

– Если же выяснится, что убийства не было, мы поверим вам на слово.

– Все знают о вашей исключительной честности и порядочности по отношению к работе.

– Все говорят, что вы не обманете клиента, не схалтурите и не бросите дела, если за него возьметесь.

– Мы справки наводили.

Оба замолчали и, выжидательно глядя на меня своими по-младенчески чисто-голубыми глазами, засопели. Так как польщенной я себя не чувствовала, то тоже молчала, только смотрела и сопела. Сопела я гораздо лучше их. Спорщики не выдержали первыми. Переглянулись и затаили:

– Ну так как?

– Вы согласны?

При ином раскладе я бы встала и ушла, не затруднив себя даже прощанием, но сейчас выпендриваться было неразумно. Я перевела предложенную сумму в рубли по курсу. Протянуть до выздоровления хватит, а там, глядишь, и перепадет какая-нибудь работенка поприбыльней. Я всегда говорю: следует быть ближе к народу. А народ жаждет ясности. Так почему не доставить ему удовольствие? Отнесусь к заданию как к халтурке. В общем, я выдавила из себя звуки, означающие готовность приступить к выполнению поручения. Не иначе у меня в этот момент поднималась температура.

– Замечательно!

– Я знал, мы поладим, – обрадовался народ.

– Расходы, – прервало их восторги мое сипение.

– Да какие тут расходы!

– Кафе внизу, в нашем доме, – забеспокоились азартные парни.

Мы полчаса препирались. Они стояли на своем: не на что мне тратиться. Я возражала, хрипела, чихала и кашляла. Результатом моих усилий явились двести рублей, выбитые у скупых миллионеров на непредвиденные обстоятельства. Вероятно, они сдались, испугавшись перспективы подцепить от меня заразу.

- До свидания.
- До скорой встречи.
- Будем ждать от вас вестей.
- Надеемся, они не заставят себя ждать.
- Держите нас в курсе.
- Мы в вас верим.
- Угу! – это у меня вырвалась прощальная реплика.

Я выбралась из подъезда и прислонилась спиной к стене. Хотелось завывать от жалости к себе, но нельзя было: я находилась в самом центре города. Передо мной – небольшая площадь, с одной стороны которой виднелись парк и художественный музей, с другой – правительственные учреждения, банк, магазины и прочие казенные дома. Напротив меня красовался старинный особняк – тоже музей, тарасовского поэта Павла Андреевича Образцова, снискавшего себе лавры прославлением в стихах родного города. Местные искусствоведы, критики и литераторы любовно называли Образцова «наш декабрист», хотя это было несправедливо. Кроме десятка стихотворений, ничего Павла Андреевича с событиями 14 декабря не связывало. Отсутствие его на Сенатской площади, скорее всего, было обусловлено отдаленностью нашей местности от Петербурга да тарасовскими дорогами. Они и сейчас-то из рук вон плохие, а в XIX веке легче было добраться из Петербурга до Америки и обратно, чем от нашего города до ближайшего села.

Образцоведы приравнивали своего кумира чуть ли не к Пушкину, объясняя малую известность тарасовского гения происками царской тайной канцелярии и лично Николая I. На мой же неискушенный взгляд, Образцова с Александром Сергеевичем роднили разве что бакенбарды, род деятельности и дата появления на свет. Исходя из последнего, на ближайшие выходные в городе намечалось празднование двухсотлетнего юбилея именитого соотечественника. Наш городок старается не отставать от столицы. Если там праздник, то чем мы хуже? Весь вопрос в выборе объекта чествования, а тут такой повод.

Фасад дома-музея заново был побелен, а перед ним водружен памятник Павлу Андреевичу производства тарасовского ваятеля Кубасова. В данный момент памятник кокетливо скрывала белая простыня, отчего он напоминал пограничника в маскхалате. Покровы должны снять в воскресенье при большом стечении народа, и о предстоящем стриптизе газеты трубили уже с полгода. Бурно обсуждались достоинства и недостатки памятника. Я в этом не участвовала. Да и что тут обсуждать? Зная другие произведения Кубасова, и так ясно: к новому уроду можно будет для устрашения водить особо непослушных детей, правда, как в кино, с ограничением возраста – не моложе десяти лет. Иначе несформировавшейся детской психике будет нанесена тяжкая травма.

Надо добавить, альянс Образцов – Кубасов насчитывает немало лет. Их совместному творчеству город обязан художественной композицией «Журавли», хорошо заметной из любой точки Тарасова, так как она водружена на самом высоком холме. Гости города! Если по ночам вас мучают кошмары, требуйте номер с окнами в противоположную от горы сторону. Кубасов воплотил в камне ненавистные любому тарасовскому школьнику строчки Павла Андреевича:

Ужо светало. Над горою,
Покрытой жухлою травой,
Клин журавлиный пролетал.

И в том же духе еще строф двести, предназначенных для заучивания подрастающему поколению в целях привития любви к малой Родине. Мне привили. Стойкую аллергию.

Глава 2

Летнее кафе, где, по разумению спорщиков, убивали каждого, кто потребует жалобную книгу, называлось без претензий АО «У Макара» и являлось продолжением одноименной забегаловки. Существовать ему оставалось считанные дни. Беспольные во время дождя солнцезащитные зонтики свернуты и сложены штабелями около стены. Почти все стулья подняты на столики. Ни одного посетителя – только облокотившаяся о стойку продавщица и хмурая уборщица, подметающая дорожки с изображением морских камушков.

– Минеральной воды, – попросила я, ища в сумке тюбик с аспирином «Упса».

– Минералки нет.

– Тогда спрайт. Сколько с меня?

– Девушка, вы что, ослепли? Написано на ценнике.

– Я неграмотная, – я начала звереть. Проскочило бредовое видение, вполне оправданное в моем состоянии: проламываю тетке голову кассовым аппаратом и тащу ее тело спорщикам. Вот ваше преступление! Она назвала цену.

– Дорого, – возмутилась я.

– Не берите, – равнодушно отозвалась продавщица. Но не взять я не могла: во-первых, дело, во-вторых, если не выпью таблетку – загнусь. Пришлось потратить часть отпущенных на подобные случаи средств. Я села за столик рядом со стойкой, отсюда удобнее вступить в разговор с обслуживающим персоналом. Я приняла лекарство и прикрыла глаза, ожидая желаемого эффекта. Хотелось курить, но все предыдущие попытки затянуться заканчивались раздражающей гортань болью и чахоточным кашлем.

– Я подметаю, а они грязь носят, – пожаловалась уборщица висевшей над нами туче. Под «они» подразумевалась я.

– Мети, мети! – лениво откликнулась продавщица. – Жалеешь небось, что бомжика с венником гоняла.

– Он чо, сегодня за обедками не приходил?

– Как в воду канул, а жаль, вчера сам Макар Петрович с друзьями сидели. Много всего осталось.

– То-то я смотрю, все вверх ногами, грязница. Одних бутылок вагон, – уборщица недовольно покачала головой.

– Им-то не убирать, – поддакнула продавщица.

Я приподняла отяжелевшие веки и вздрогнула. Рядом с моим столиком, вплотную к стене, стояла кадка с пальмой. Густая, неестественно зеленая по причине искусственного происхождения листва закрывала алое пятно на стене. Вот оно, доказательство убийства.

– Кровь! – прохрипела я.

Женщины засуетились. Мы вдвоем отодвинули кадку. Под ней на серых плитках подсыхала густая красная лужа. Труп не было, а жаль.

– Бутылку с кетчупом разбили, – облегченно вздохнула продавщица, пиная туфлей осколки.

– Об стену грохнули, паршивцы. Пальму-то зачем перетаскивать было?

– Перепились, наверное. Начальство! – продавщица хмыкнула. – Нам на работе ни-ни, а сами что творят!

– Никого не убили? – решила я задать волнующий меня вопрос.

Женщины посмотрели на меня как на идиотку. Мне это было, конечно, до фонаря. Но меня перестало знобить.

– Вы, девушка, сядьте и не волнуйтесь. Тут полный порядок, свои кутили.

Я воспользовалась их советом, вернулась за столик и задумалась. Дальнейшие действия были покрыты мраком неизвестности. Я могу выяснить телефоны администрации кафе, только какой в этом прок? Отвечать, сколько вчера выпили, они мне не обязаны. Интересно, пропажу бомжика следует считать зацепкой или жертвой милицейского рейда? Я достала сотовый, набрала номер и попросила позвать Андрея Мельникова, следователя и моего хорошего знакомого. Он не раз выручал меня в самые сложные моменты расследований. Нынешний момент, судя по всему, подходил под данное определение.

– Татьяна, что у тебя с голосом? – Звуки, которые я выдавала за приветствие, его не обманули.

– Голоса нет, – выдавила я, – буду краткой. За последние сутки на Музейной площади что-нибудь криминальное произошло?

– А что?

– Нужно.

– Ничего не случилось, загадочная ты наша. А должно было?

– Бомжик с веником пропал.

– Ты чем лечишься? Часом не водкой?

– Выяснишь, не забирали его?

– Зачем? И так знаю, нет. Нашим нынче не до него, – вздохнул Андрей.

– Ожидается приезд президента?

– Ты газеты читаешь? – Сразу чувствуется, разговаривают два специалиста: сплошные вопросы, словно ведем дознание.

– А надо?

– Неужели даже телевизор не смотришь? – развеселился Андрей.

– Что-то важное пропустила?

– Ты куда не уезжала?

– Не томи же, в чем дело? Сейчас начну чихать в трубку, заражу, – мстительно пообещала я.

– Если твои вирусы такие же вредные, как ты сама, то охотно верю. А оглохну я наверняка, – заржал Андрей. – Весь город только и говорит, что об убийстве Кубасова.

– Как? – поразила я, ограничившись этим возгласом. Замечания типа: добрались-таки поклонники, придавило статуей собственного изготовления, решил, что после смерти обретет мировое признание, – оказались слишком длинными для моих голосовых связок.

– Машина сбила.

– Кто?

– Незвестный доброжелатель постарался и скрылся с места преступления. Представляешь, какой скандал? В воскресенье открытие памятника, а ему самому теперь памятник нужно ставить. Только не на площади. Нас гоняют, как зайцев, обвиняют в бездействии все, кому не лень. Будто мы его сами уколошили и пытаемся замять дело.

– А могли?

– Могли, но нас опередили, – Андрей тоже не числился в поклонниках творчества Кубасова. – За небольшое вознаграждение могу разузнать у родственников, не хотят ли они воспользоваться услугами частного детектива, и рекомендовать тебя.

– Спасибо, обойдусь.

– Ты не рвешься помочь тарасовской богеме? – с деланой печалью осведомился он.

– Ага, не патриотка.

Я с телеграфной лаконичностью поблагодарила Андрея за сведения и распрощалась. Тучу отнесло в сторону, я, как кошка, пригласилась в теплых лучиках осеннего солнца. Никакого желания двигаться. Тетки из кафе куда-то подевались. Никто меня не прогонял и не торопил.

Я достала гадальные кости. Двенадцатигранники неприятно холодили руку, вызывая озноб: скорей бы придумать вопрос и избавиться от них. Отяжелевшая голова работала с перебоями. Я зевнула. Да стоит ли мне заниматься делом этих двух чудаков? Я швырнула кости на столик.

Выпало 14+28+4. «Приближается болезнь, но серьезных осложнений не будет». Замечательно! Во мне росло раздражение. Я и так знаю, что приближается. Осложнений не предвидится. Значит, как говаривал поэт: «Нет, весь я не умру». В результате гриппа у меня не разовьется порок сердца, я не ослепну, не оглохну, и у меня не выпадут зубы. Какие там еще бывают осложнения? Солнце закрыло косматое облако. Я зябко поежилась.

Второй раз кости не были столь категоричны, но ответ вызвал еще больший приступ озлобления. «Вы согласитесь на какое-то предложение, которое принесет не только много забот, но может закончиться для вас плачевно». Почему «согласитесь»? Я уже согласилась. А что мне есть и на что лечиться, откажись я от задания? Не имею понятия, как закончится, но оно уже началось плачевно. Вот прямо сейчас возьму и разревусь от жалости к себе.

Третья попытка – 16+26+5 – принесла мне обещание путешествия, следствием которого явятся решительные перемены в моей жизни. Плохие или хорошие? Не разберешь. Я откинулась на спинку стула, недовольная гаданием, погодой, жизнью, политической обстановкой и чуть-чуть собой. С отвращением посмотрела на двенадцатигранники. Только и умеют тень на плетень наводить. Толку от них никакого, одна головная боль. Предсказывают, как волхвы, неведь что. Пока гадюка за ногу не цапнет, причем тут лошадь – понять невозможно. Я сначала окажусь в гуще этих самых «решительных перемен», а уразумею это, при благополучном расположении звезд, только к концу года. Мне стало противно все человечество в целом и каждый человек в отдельности.

Сидеть тут дальше не имело смысла. Лучше поехать домой и лечь в постель. Черт, теперь от любой поездки будешь ждать «решительных перемен». Взвинченным тоном, напугав продавщицу до смерти, я выпросила телефон хозяина кафе. Она, похоже, решила, что я собираюсь жаловаться в санэпидстанцию.

Я пересекла площадь и подошла к предсмертному творению Кубасова. Бросалась в глаза явная диспропорция монумента: сама статуя небольшая, в человеческий рост, а постамент раза в два выше. Скоро открытие памятника, и перед нами воочию предстанет последний шанс Кубасова, благодаря которому он должен был войти в историю отечественной скульптуры. Вокруг постаamenta экстренно была разбита клумба, засаженная чахлыми астрами. По краю цветника шел широкий след, словно здесь проехался трактор. Он впечатал бедные астры глубоко в землю. Безобразие, расстроилась я, одни делают, другие ломают. Есть ли в жизни справедливость?! Я полезла за сигаретами, и сумка вывалилась из ослабевших рук. Оказывается, я не завязала мешочек с костями, и все они плюхнулись в лужу. Чертыхаясь, я полезла за ними, и тут же в лужу полетела новая пачка «Мальборо». Сигареты намокли и стали непригодны к употреблению. Автоматически я все же отметила комбинацию, в которой кости легли: «Вот неожиданные милости, которые вы получите от окружающих». Да что происходит? Даже они надо мной издеваются! И в этот момент меня окликнули.

– Эй! Девушка! – Через площадь ко мне бежала продавщица кафе. – Пойдите! – Она приблизилась и, запыхавшись, коротко сообщила: – Вернитесь же, вас Макар Петрович хочет видеть.

Прозвучало это как приказ. Моим мнением она не поинтересовалась, хочу ли я видеть этого, пока не известного мне Макара Петровича. Больной человек становится или капризным, или смирным-пресмирным. У меня открылась вторая стадия, поэтому я покорно побрела за продавщицей, лениво размышляя, зачем это я понадобилась хозяину кафе. По счету вроде бы заплатила, скандал устраивать не собиралась. В знакомцах моих он не числится. Ах, ну да, вспомнила: я же сама зачем-то выпросила его телефончик, вот обслуживающий персо-

нал и проявляет расторопность. Интересно, забывчивость – это своего рода осложнение после болезни?

Меня провели через дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен» в коридорчик, к двери с надписью «Директор». И тут же я услышала мужской голос:

– ...связываться с ней – себе дороже. Та еще язва.

Продавщица постучалась, и мы вошли. Табличка не соврала, в кабинете действительно сидел директор. Интересно, а чего я ожидала тут увидеть? Злую собаку? Или медведя?

Заметив нас, он положил телефонную трубку и приветливо заулыбался.

– Присаживайтесь, Татьяна Александровна. Наслышан о вас. Макар Петрович – шеф забегаловки, которую вы почтили своим присутствием. В следующий раз предупреждайте заранее, что к нам собираетесь, обслужат по высшему разряду.

Продавщица исчезла, оставив нас одних. Макар Петрович, продолжая улыбаться, внимательно меня изучал. Я тоже времени даром не теряла. Молодой, не красавец, но ничего: дорогой костюм, модная стрижка, глаза светлые, настороженные, очки в золотой оправе, волосы русые, открытая улыбка, без обручального кольца. Весьма располагающая к себе внешность, только вот ко всему прочему больные нередко становятся и мнительными. Полагаю, «язвой» он назвал меня. Даже если это недалеко от истины, все равно как-то обидно. Тут я одернула себя – да очнись, нельзя же обвинять незнакомого человека на основе бредовых подозрений. От огорчения я даже чихнула.

– Вы нездоровы? – с неподдельным изумлением спросил Макар Петрович.

Я очень ехидно подумала: что же это, я не человек, что ли, и поболеть права не имею? Может, он считает, что я не ем, не пью и в туалет не хожу, а день и ночь стою на страже общественного порядка? Но вслух я сказала:

– Ага.

– И, наверное, не в состоянии сейчас работать? – то ли огорчился, то ли обрадовался собеседник.

– Почему же? – Вот тут-то я и поняла, зачем меня сюда позвали. Как говорится, то пусто, то густо. Провидение расщедрилось, и заказы повалили косяком. Еще бы и выздороветь поскорее, а то работа не вызывает никакого энтузиазма.

– Понимаете ли, Татьяна Александровна, в чем дело... Раз вы себя плохо чувствуете, я не рискнул бы утруждать вас, но у меня нет выхода. Мне рекомендовали вас как ответственного человека. И если моя проблема покажется вам слишком сложной...

– Рассказывайте! – перебила я его: он что, «на слабо» меня, что ли, взять пытается?

– Видите ли, у меня на даче украли компьютер. Я часто совмещаю приятное с полезным, работаю и отдыхаю. Сама пропажа неприятна, пережить, конечно, можно было бы, однако на жестком диске осталась нужная мне информация. Без нее я как без рук – работа стоит. – Хозяин оттянул пальцами воротник. – Восстанавливать ее долго и хлопотно. Я хотел предложить вам найти похитителей и, если потребуется, провести с ними переговоры. Я согласен на выкуп.

– А посадить не проще?

– Я заинтересован в сохранности компьютера, – Макар Петрович отвел взгляд в сторону. – И не хочу подвергать его опасности уничтожения, а если задержать похитителей, такая опасность может возникнуть.

Да о чем мы тут, по сути, толкуем? О машине или любимом родственнике? Я выдавила из себя что-то о загруженности и недееспособности.

– Понимаю ваше нынешнее нежелание вникать в чужие проблемы, но дача у меня отменная. Близость Волги сейчас вряд ли может заинтересовать, но финская сауна при простуде – незаменимая вещь. Поэтому настоятельно рекомендую, – уговаривал меня Макарка, так я его окрестила про себя. – Вы могли бы совместить приятное с полезным. На выходные я туда не

собираюсь. При доме охранник с женой. Будет кому о вас позаботиться. Подышите свежим воздухом, отдохнете в тишине. Кроме одежды, ничего с собой брать не надо. Берите лучше корзину. Там березнячок недалеко, какие в нем после дождика грибы! Подберезовики, подосиновики! Ей-богу, не вру, размером с хорошую сковородку. Как-то случай был...

Я подумала: несмотря на дождь, суббота с воскресеньем на даче самые активные дни, полно дачников, готовят сады-огороды к зимнему сезону. Неплохая возможность расспросить соседей. Отдохнуть, конечно, не придется... Впрочем, я еще не дала согласия. И еще со спорщиками не разобралась. Тем временем Макарка продолжал уговаривать. Болтливый мужик! По-моему, он отчего-то нервничает. С чего бы это? Заразиться боится? Я откашлялась и опять прервала его байку, на сей раз о том, какую рыбу он поймал в Волге недалеко от дачи.

– Вчера в вашем кафе не произошло убийство? – Мой вопрос подействовал как гром среди ясного неба.

Макарка не бухнулся на колени и не сознался во всех тяжких грехах, он остановился на полуслове и посмотрел на меня как на чокнутую.

– Не понял?

– Никого не убили в кафе? – продолжала допытываться я.

– Мне об этом не докладывали, – недовольно отозвался Макарка.

– А жаль. – Интересно, спорщикам хватит свидетельских показаний нескольких человек?

– Почему вы об этом спрашиваете? – Макарка снял очки и стал покусывать дужки.

– Жильцы слышали хлопки, похожие на выстрелы.

– Ах, это! – Макар Петрович с явным облегчением засмеялся. – А я-то уж было решил, что-то серьезное. Шампанское ваши осведомители случайно не пили?

Я оставила вопрос без ответа, выдвинув следующий тезис:

– И еще бомжик с веником пропал...

Макар Петрович с минуту внимательно меня рассматривал, словно хотел удостовериться, что вручает судьбу своего драгоценного компьютера не потенциальной пациентке психушки. Я загадала: если сейчас скажет, что первый раз слышит про бомжика, остаюсь и начинаю копать под него.

– Он ваш родственник? В милицию звонили? Может, он заболел и наконец-то избавил мое заведение от своего присутствия, – Макарка скрестил руки на груди и улыбнулся. – Очевидно, это мои конкуренты наняли вас искать пропавшего бомжика? Неужели они вас так мало ценят?

Действительно. И почему бы не съездить на пару денечков на дачу. Поразвлечься, поработать в свое удовольствие. В понедельник вернусь и буду разбираться со спорщиками, предъявлю им честное благородное слово обязанного мне Макарки о том, что в кафе никого, кроме комаров, не убивали.

Получается, что, помогая Макару, я одновременно выполняю задание азартных мужичков. Конечно, не в моих правилах делать несколько дел сразу, но, учитывая собственное плачевное состояние и не менее плачевное состояние моего кошелька, позволительно сделать исключение. Главное, найти подходящее оправдание, а то неудобно как-то получается: поверили люди в мою честность, а я их надежд не оправдаю. И я принялась себя убеждать, что для разрешения спора временем меня не ограничивали. Если совершено убийство, труп никуда не сбежит, не было его – тем более. А Макаркино дело отлагательств не терпит. Вот спасу его компьютер, а потом, если надо, посвящу всю оставшуюся жизнь разрешению загадки спорщиков.

Макарка тем временем заливался соловьем:

– Я согласен на любую цену, на любые условия, только помогите!

Этот аргумент понравился мне больше предыдущих. Пожалуй, мы с ним поладим, однако для этого пришлось заключить небольшую сделку с совестью:

– Съезжу, посмотрю. Тогда и решу. – Вроде как не взялась, но и не отказалась. Обнадежила, одним словом.

Макаркино лицо осветилось искренней радостью.

– Татьяна Александровна, Танечка! Я вам так благодарен! Вы меня спасли. Вы сняли тяжкий груз с моего сердца. – Руки он при этом прижимал к пиджаку в области желудка. Впрочем, кто их, кафешников, разберет, может, сердце у них именно там и находится. Я ощутила легкое раздражение. Наверное, отсутствие признательности к работодателям – явление весьма распространенное. Есть у меня один знакомый, зарабатывающий на хлеб починкой иномарок, так он каждого владельца забугорной игрушки считает своим потенциальным врагом.

– Не радуйтесь. Я только туда и обратно.

– О! Очутившись там, вы не захотите возвращаться так скоро.

И он опять заладил про свежий воздух, сауну и грибные места. Словно я еду не похитителей искать, а дачу покупать. Слово «покупать» перевело мои мысли в иное русло. У моей порядочности был один минус: пока я официально не взялась за расследование, гонорара мне не полагалось. Сам Макарка осуществлять свои грандиозные планы по моему обогащению не торопился. Люди такие непонятливые, а к расставанию с деньгами их надо готовить заранее. Я прокашлялась, шмыгнула носом и спросила:

– Ехать далеко?

– Ах да, я же не сказал, – засуетился Макарка. – Полтора часа по шоссе до поворота на Мокеевку. Вообще-то дача рядом с Сухой Балкой, но там дорога идет полем. Хотя, конечно, так быстрее. В общем, на любителя. Запутаться невозможно. Я вам план нарисую. Сейчас позвоню Вовану – это охранник, предупрежу.

– Значит, далеко. Бензина много уйдет... – я задумчиво покачала головой и посмотрела в окно.

Макарка намека не понял и на сей раз и несколько опешил. Пришлось продолжить:

– А он все дорожает.

– Конечно, конечно! Все расходы я беру на себя, – уяснив, в чем дело, заверил меня наконец Макар. Он извлек из кармана кожаное портмоне, и, о чудо, на свет появились две сотни баксов. – Это на бензин. Берите самый лучший, лишь бы поскорее добраться до места. Если мы придем к окончательному соглашению, то, думаю, оба останемся довольны. О еде заботиться не придется. Анночка, жена охранника, – потрясающая стряпуха. – Он собрал пальцы щепотью и причмокнул. – Давно хочу перетащить ее сюда, в кафе. Вы будете чувствовать себя как в санатории. Там недалеко соснячок, воздух в нем – закачаешься. А какие маслята!

Ну, опять начинается рекламная кампания!..

– Ладно, не буду терять времени. – Я поспешно вскочила, уронив себе на ногу стул.

Не лучшее начало дела. Ну и пусть, когда «неожиданные милости» похрустывают в кармане, от «решительных перемен» перестаешь ждать «серьезных осложнений».

Глава 3

Осенние дожди размывали дорогу, затопили колеи, превратили растертую шинами до состояния пыли землю в липкую жижу. С моей стороны полнейшим безумием было ехать напрямик, по проселочной дороге. Машина цеплялась брюхом о кочки, редела и рычала, то ли от обиды, то ли от попадающей в глушитель воды. Колеса постоянно пробуксовывали. Поднимающиеся грязевые брызги плотной кисеей закрывали стекла. От ветра и лучей неяркого солнца они быстро подсыхали, и усилиями одних «дворников» очистить лобовое стекло было невозможно. Приходилось время от времени останавливаться, высовывать до предела руку и возить тряпкой по стеклу: вылезти из машины мне просто не хватало мужества.

О внешнем виде моего средства передвижения даже думать не хотелось. Когда довезу машину до мойки, она превратится в сплошной комок земли, и возвращать ее к прежним формам и цвету придется отбойным молотком. Во сколько же мне это обойдется? И почему я не поехала в объезд? Вот заглохнет сейчас мотор, что тогда?

Мотор не заглох. Вскоре я подрулила к Макаркиной даче – трехэтажным хоромам из красно-белого кирпича. С вершины холма открывался потрясающий вид на Волгу. Ниже по склону дачный поселок постепенно переходил в деревню. По сравнению с каменными дачами одноэтажные, в большинстве своем деревянные, домики смотрелись бедными родственниками. Чуть поодаль начинались обещанные грибные лески.

У решетчатых ворот меня поджидал Вован – охранник. Я въехала во двор и остановилась. Вован, хмыкнув, критически осмотрел машину.

– А ты рисковая. Большинство предпочитает по асфальту. Вылезай.

Я подчинилась и встала рядом с ним, глядя на свою «девятку». И в самом деле рисковая.

– Уже приехали! Как вы быстро! – От дома к нам спешила пухленькая женщина, месяце этак на седьмом беременности.

Она увидела мою машину, ойкнула, а потом рассмеялась, прижимая ладони к щекам.

– Макар вас разве не предупредил? После дождя напрямик не проедешь. Застрять могли, неделю бы потом машину выволакивали.

Я чихнула, отрицательно помотав головой, размышляя о людской подлости.

Анночка шарахнулась от меня, даже не успев убрать улыбку с лица. Все воспринимали меня в этот день не иначе как тайное бактериологическое оружие массового поражения. Скорей бы выздороветь.

– Заходите в дом. Стол накрыт, – скомандовал Вован, не обращая внимания на смущение жены. – Машину я из шланга ополосну и в гараж загоню. И тебе, Аня, нечего на ветру стоять. Марш на кухню.

Стол ломился от простой, но сытной еды.

– Все продукты свежие, деревенские, – сообщила мне Анночка, стараясь держаться на максимально допустимом приличиями отдалении. – Пирог с капустой и с яблоками. Хорошо опару загодя поставила. Как Макар позвонил, я сразу напекла.

Есть мне не хотелось. Проклятое горло! Я платонически обозрела жирную густую сметану, рассыпчатый творог, головку домашнего сыра, розовое прозрачное сало и жареные свиные ребрышки с картошкой. На плите дымился украинский борщ. Ничего, буду утешаться мыслью о том, что берегу фигуру. Скоро стану изящной, талия – осиной, пальцы, как у пианистки, кожа прозрачной, появятся синяки под глазами и начнет шатать от ветра. Подумав так, я расстроилась еще больше.

– Чаю попейте, с медом, – жалостливо предложила Анночка. – И рыбку берите. Вовочка вчера сам поймал. Где ж вас так прихватило?

– Самой интересно, – буркнула я, зачерпывая ложкой светлый липовый мед.

– Ничего, поживете здесь... – Анночка замялась, ей, видно, совсем не хотелось, чтобы я со своим гриппом-ОРЗ-ангиной околачивалась рядом с ней и ее будущим ребенком. – Поживете с недельку, быстро на ноги встанете. Сейчас Вовочка придет, мы посидим. Вы с ним полегчите. – Она выставила на стол большую бутылку с первачом.

– Я работать приехала, – просипела я, ковыряя вилкой картошку.

Анночка, глядя в сторону, продолжала:

– А к вечеру баньку истопим. Макар сказал, чтобы все по высшему разряду. Комнату велел вам гостевую выделить. Мы-то тут рядом, в пристроечке живем.

– Мне компьютер искать надо. Что вы знаете о краже? – Я подавилась и закашлялась.

Анночка терпеливо переждала мой приступ.

– Вы об этом лучше с Вовочкой поговорите. Он вам доходчивее объяснит. Попробуйте варенье. Оно из облепихи. Полезное, говорят.

– Где вы были в момент похищения компьютера?

– Да где же мне быть? При муже была. Ой! Совсем забыла! – Она всплеснула руками и, переваливаясь, куда-то заторопилась.

Я насторожилась. Вот оно! Сейчас всплывет что-нибудь интересное, какая-нибудь важная деталь, проливающая свет... Но додумать я не успела. Анночка появилась в дверном проеме, обнимая двухлитровую банку.

– Грибочки-то не достала. Обязательно попробуйте. Грузди квашенные. Если понравятся, я рецепт дам. У нас тут такие места грибные. Полегчает вам, обязательно сходите, пособирайте. Вовочка у меня такой грибник знатный.

Ох, не могу больше! Скоро от слова «грибы» буду подскакивать, как павловская собачка от удара током, и лаять. Быстренько переводим тему.

– Вы кого-нибудь подозреваете в краже?

Анночка подняла на меня светло-карие спокойные глаза и задумалась, как я по наивности надеялась, над моим вопросом. Постепенно ее лоб пересекала тонкая вертикальная морщинка. Какая-то мысль заняла Анночку чрезвычайно. Она внимательно посмотрела на меня и недоверчиво покачала головой. Я внутренне напряглась. Ну, давай же. Давай!

– Я подумала... – нерешительно начала Анночка.

– Ну? – Я почти вскрикнула.

– Вы стрелять умеете?

– Ну... – я поразились, неужели все так серьезно.

– В субботу все наши, – застенчиво сообщила Анночка, – на охоту собираются. Может, вы тоже хотите? Если поправитесь, конечно, – торопливо добавила она. – Весело будет, не пожалеете. Я-то сейчас не могу, иначе обязательно бы пошла.

Она погрузилась.

Я чуть было не завывала от разочарования. Ну и послал бог дурищу. Недаром говорят, что у беременных мозг на треть не функционирует. Ладно, попытаюсь еще раз.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Какой вопрос? – простодушно удивилась Анночка.

– Вы кого-нибудь подозреваете?

– Ах, вы об этом... – она поморщилась, будто я затронула неприличную тему. – Вы лучше с Вовочкой поговорите. Он меня бережет. – Она любовно погладила большой живот. – Всего не сообщает, чтобы не расстраивать. Что ж вы ничего не едите? И так худая, как рыбий скелет, откуда уж здоровью взяться? Не обижайте меня, – она улыбнулась. – Я вам сейчас молочка налью.

Ну и как мне прикажете вести следствие? Вован явился через час. К этому моменту я успела прослушать добрый десяток рецептов заготовки грибов и консервирования баклажанов, столько же – по улучшению вкусовых качеств рыбы да вдобавок кучу местных сплетен.

И выпить ведро чая. В общем, убедилась в том, что жизнь в деревне, как твердит реклама, приятна и нетороплива. До тех пор, пока не выяснишь, что удобства во дворе, а чая выпито слишком много.

Недавно чистая рубашка Вована была покрыта глубоко въевшейся грязью. Не иначе, ополаскивание моей тачки оказалось делом трудным и требующим гражданской самоотверженности.

Еще час я потратила, наблюдая, как Вован поглощает пищу, а Анночка хлопчет около него. Занятное зрелище, но меня начало клонить в сон. Когда священнодействие было закончено, я уже вовсю клевала носом. Анночка предложила отвести меня в мою комнату. Неплохо было бы поспать после обеда, но не за тем я здесь, напомнила я себе.

– Хочу осмотреть место преступления, – заявила я.

Вован посмотрел на жену. Она ласково улыбнулась сначала ему, а потом мне.

– Так любопытно видеть живого сыщика. Я раньше только в кино такое видела, – Анночка мечтательно вздохнула. – Вы... «Собаку Баскервилей» смотрели?

Я раздраженно кивнула.

– Бася, иди сюда, – нежно позвала Анночка.

Где он раньше прятался, понятия не имею. Как я проглядела такую зверюгу? На кухне почти бесшумно возник здоровенный ротвейлер. Он обнажил клыки и настороженно вперил в меня оловянные глаза. В кухне сразу стало тесно, и совершать необдуманные, да и обдуманные движения сразу расхотелось, я старалась дышать потише и занимать места поменьше.

– Правда, большой? – обрадованно спросила Анночка. – Свой, Бася, свой. Ну, обнюхай тетю. Теперь иди на улицу, побегай. – Она подпихнула чудовище к выходу.

Бася утробно заворчал, но послушался и исчез за дверью.

– Люблю я детективы, – покаянно вздохнула Анночка, будто признавалась в страшной тайне. – Вовочка, можно мне с вами?

– Ну раз вы обе настаиваете, – буркнул Вован, давая понять, что глупые бабы просьбы его уже достали.

Пока мы поднимались по лестнице на третий этаж, я размышляла. Работай я охранником и случись во время моего дежурства кража, я бы места себе не находила. А Вован с женой невозмутимы и довольны, как два бегемота, жуют, зевают, улыбаются. Это нормально? Кто их разберет. Я понятия не имею, что их связывает с хозяином дома, что они вообще за люди и насколько причастны к краже. Может, у них нервы толщиной с железнодорожные рельсы и затронуть их способен лишь крупномасштабный взрыв? А может, у каждого из них сейчас буря в душе, только на лицах она не отражается из-за паралича лицевого нерва. За время работы я ко всему привыкла. Ходит человек, улыбается. Как дела? О'кей. А потом в один прекрасный момент поджигает дом, душит любимую кошку, съедает за раз содержимое аптечки, и тут про этого человека такое выясняется... В общем, жизнь прекрасна и удивительна, а сюрпризы встречаются гораздо чаще, чем хотелось бы.

Вован распахнул дверь, и мне показалось – я перенеслась в прошлый век. Кабинет Макарки напомнил мне кабинет Петра I в Большом дворце. Рядом с дубовыми панелями, с литографиями парусных судов на стенах, старинным большим глобусом на бронзовой подставке – жалюзи, телефон и телевизор с видеомagneитофоном «Sony» казались тут нахальными чужаками. На книжных полках фолианты с тисненными золотом корешками чередовались с яркими журналами типа «Playboy», «Vogue», «В мире бизнеса» и толстенными каталогами товаров. Паркет, выложенный из разных пород дерева, почти полностью покрывал потертый, но явно настоящий турецкий ковер.

– Как тут красиво... – выдавила я.

– А, – отмахнулся Вован. Если он когда-нибудь, в чем я сомневаюсь, и испытывал восторги по поводу данного интерьера, то они уже давно поутихли. – У Макара родственничек

один есть, помешанный на старье. Хватает что ни попадя, а после ненужное всем подряд распахивает. Весь дом забарахлил. Пылища.

– Я не жалуюсь, – вставила слово Анночка. – Хотя хлопотно, конечно.

– Компьютер здесь стоял? – осведомилась я, изучая солидный широкий письменный стол. Ковер рядом с его ножками, напоминающими львиные лапы, был завален рекламными проспектами туристических фирм, дискетами, видеокассетами, плакатами с изображением красоток, афишами Тарасовского художественного музея с информацией о выставке икон, открытие которой должно состояться в ближайшую субботу, а также фотографиями машин и отелей.

– А то как же. Где ж ему еще быть-то? – неодобрительно изрек Вован.

– Кошмар, какой беспорядок! – вздохнула Анночка. – Это надо же было так неаккуратно компьютер снимать со стола, чтобы все поскидывать. Безобразие.

– Ты это ворам скажи, – хмыкнул ее муженек.

Я, пристально глядя ему в глаза, задала уже поднадоевший мне вопрос:

– Где вы были в момент совершения кражи?

– Жену в больницу возил. – Взгляда Вован не отвел, даже, наоборот, воззрился на меня с преувеличенным вниманием.

Я, конечно, привыкла, что мужики на меня пялятся, но не так же! Этот смотрел, как ученик на училку, мол, правильно ли ответил или нет?

– И я вам об этом говорила, – непоследовательно поддакнула Анночка.

– В какую именно больницу?

– В тарасовскую.

– Адрес?

– Проверять собираетесь? – Вован скис. Уверенности у него заметно поубавилось.

– Дело в том, – пришла ему на помощь жена, – что до больницы мы не добрались. Точнее, мы в нее вообще не ездили. У родни были. Посидели. Мужчины выпили, вы не подумайте, совсем немножко, но за руль уже не сядешь. Наутро вернулись, и на тебе, пожалуйста! Надо было для Макара уважительную причину придумать... Он не против того, чтобы мы иногда отлучались: Бася хороший сторож, но все равно неприятно. Если надо будет, мы Макару правду расскажем. Верно, Вовочка? – Анночка замолчала, выжидаяще глядя на меня.

Адрес и телефон родни Вован дал мне с превеликим удовольствием. Поклясться могу: позвони я туда, на том конце мне подтвердят все, что угодно. Вплоть до пришествия инопланетян. М-да, поторопилась я с выводами насчет Анночки, не такая уж она простушка.

– Кто знал о вашем отъезде?

– Да кто угодно, – Вован нахмурил брови, изображая тяжкую умственную деятельность. – Мы через деревню ехали. Сама понимаешь, каждая собака видеть могла и другой набрехать.

– Как воры проникли в дом?

– Окно на первом этаже грохнуло. Только я его уже застеклил.

Молодец. Хозяйственный мужик. Так что про улики ему говорить уже без толку.

– Следы под окном были? – без особой надежды спросила я.

– Не посмотрел, – Вован провел пятерней по волосам.

Грандиозный ответ!

– Не было их. Там под окнами дорожка асфальтовая, а не клумба, – подсказала Анночка.

– Собака где была?

– Это... – Вован помешкал. – Спала она, то есть он, когда мы приехали, даже не гавкнул. Дрянью, наверное, какой-нибудь накормили. Снотворной.

Во мне крепло убеждение, что ни слова правды я не услышала. Однако ни Вована, ни Анночку ничуть не смущало мое недоверие. Если компьютер украли они, их спокойствие поразительно, если нет – подозрительно. Какой версии придерживаться, я пока не решила. И в последний раз окинув взглядом кабинет, вздрогнула.

– Ой! Что это? – На стене повыше розетки сияло небольшое пятно. Видно, что его пытались соскоблить, но до конца не удалили. Потёки достигали паркета, на коем можно было различить следы от красноватой лужицы.

После увиденного мною кетчупового пятна в кафе не стоило обольщаться.

– Да, – Вован повеселел. – Этим летом было дело. Макарова бабушка в него лаком для ногтей швырнула. Косая, с двух метров попасть не могла.

– Как?

– Она педикюр делала. Поставила ноги на клавиатуру компьютера, – с удовольствием объяснила Анночка. – Для массажа ступней. Макар начал возмущаться. Тогда она заявила, что ему его паршивый компьютер дороже ее, то есть Ларисы. Она еще и пепельницу тогда в него бросила.

– Точно, косая, – прокомментировал Вован. – Я потом сам стекло вставлял.

– А под окном гости курили.

– Нет, все-таки не косая. Михалычу «Скорую» вызывать пришлось.

– Ничего, все обошлось, – успокоила меня Анночка. – Только у Михалыча теперь нервный тик, и заикаться он стал.

Веселенькая история, до слез веселенькая, но толку мне от нее никакого. Надо же! Отвечают охотно, подробно, ничего не тая, на все мои вопросы, а следствие не движется.

Мы отправились осматривать окно, через которое похитители попали в дом. Здесь меня поджидала еще одна неожиданность. То ли зрение у меня ухудшилось, то ли Анночка такая классная уборщица, то ли стекло никто не бил, но ни на ковре в комнате, ни на асфальтовой дорожке снаружи я не обнаружила даже намека на осколки, ни кусочка величиной с пылинку!

Далее я высказала пожелание пройтись по дому: где-нибудь преступники да должны были оставить свои следы. Меня без возражений провели по всем комнатам. Живут же люди! Завидный жених Макарка! Звучит смешно, но абсолютная правда. К моему изумлению, обилие ценных вещей воров не прельстило. Зачем понадобился им компьютер? В игрушки поиграть захотелось?

Мы добрались до спальни Макарки. На шатком журнальном столике недалеко от кровати стоял еще один компьютер с полным набором комплектующих. Обыкновенный такой «IBM», беленький с кривоватым кактусом в горшке на процессоре. Кактус, как я полагаю, предназначен для поглощения вредного излучения. У половины моих знакомых рядом с компьютерами стоят родные братья этого заморыша.

– Этот почему не украли? – спросила я, имея в виду компьютер, а не кактус.

– Так мы их, наверное, спугнули, – выдвинул версию Вован. – Дача-то на холме, издали видно, кто к дому подъезжает. Они нашу машину разглядели, цапнули первое попавшееся и бежать.

Я покивала головой, будто бы удовлетворена объяснением. Интересно, какая это документация содержалась в похищенной машине, раз преступники взяли именно ее? Если они проникли через окно, указанное Вованом, то почему не заглянули сначала в спальню, расположенную ближе, а потащились в кабинет на другом конце дома? Или у них привычка хватать сначала что подальше. Воры-дальнобойщики. Впрочем, если они – знакомые Макарки, бывали в доме, а этот компьютер поставлен недавно, то могли и не ведать о его существовании. Надо проверить.

– Давно он здесь стоит?

– Полгода, год, разве упомнишь? – Вован пожал плечами.

Я опять покивала. Напрасно. По затылку разлилась тупая ноющая боль. Вранье в больших дозах мне противопоказано. Немедленно отсюда уезжаю. Сообщу все, что выяснила, Макарке. Пусть разбирается со своими людьми.

Мое решение об отъезде было встречено в штыки.

– Куда же ты, – гундел Вован, идя следом за мной к гаражу, – дождь собирается, дорога скользкая будет.

– Вы такая больная, – поддакивала Анночка.

– Руль держать будет сложно, а путь неблизкий.

– Темнеет уже, страшно. Столько ужасов про дорожные происшествия по телевизору рассказывают.

– Оставайся.

– Не могу. Макару отчет завтра представить должна, – вяло оправдывалась я.

На самом деле ночевать с людьми, которых подозреваешь в преступлении, пользоваться их гостеприимством и есть их хлеб мне совсем не хотелось. Провожать меня вышли вдвоем – с серьезным Басей.

– Пирожков на дорожку возьмите, – Анночка плюхнула на сиденье рядом со мной объемистый сверток.

Я принялась аккуратно выводить машину из гаража, но приглушенное «бух» оборвало мою надежду на спасение.

– Хо-хо! – загоготал Вован. – Как чувствовал, что по-моему будет! Заднее правое у тебя тютю.

Он обошел машину и потыкал носком кроссовки в колесо.

Я, чертыхаясь, вылезла.

– Что такое? – Я наклонилась и подняла доску, утыканную гвоздями.

– Моя вина, – заржал Вован. – Сарайчик сегодня собирался починить. – Ты приехала на грязной тачке, и пока я ее мыл, стройматериалы убрать забыл. Как же ты доску-то не разглядела?

Онемев от возмущения, я с ненавистью посмотрела в его нагло ухмыляющуюся рожу. Забыл он, держи карман шире! Двинуть бы ему, мерзавцу, левой пяткой по правому уху, вмиг бы улыбочку стерло. Вместо этого я принялась остервенело вымещать обиду на ни в чем не повинном колесе. Лупанула по нему пару раз и почувствовала, сейчас упаду: в глазах потемнело, в ушах загудело, в носу заклокотало. Таким образом трех чувств из пяти я моментально лишилась.

Анночка забегала вокруг меня, засуетилась.

– Зачем же вы так расстраиваетесь? Судьба, значит, вам остаться. Радоваться надо,хвати вас так в дороге, страшно подумать, что могло бы произойти.

Меня отвели на кухню и начали отпаивать чаем с травами. Я не сопротивлялась. Знай я, что в чашке находится яд, и тогда бы не нашла в себе сил возражать.

– Отдохните пару денечков, – уговаривала меня, как неразумного ребенка, Анночка, – подлечитесь, нам не в тягость. – И мило так мужу: – Макар – поросенок, в такую даль бедную больную девочку погнал.

Бася сидел рядом и раздраженно взирал на то, как его хозяева возятся со мной. Похоже, он привык, что все их внимание принадлежит ему. Невесть откуда взявшийся конкурент пришелся ему не по душе.

– Хорошая собачка, – прошептала я. Он единственное здесь честное существо, после меня, конечно, так зачем же нам портить отношения? – На песик, возьми, – я протянула ему кусочек кровяной колбаски.

Бася высокомерно взглянул на меня и широко зевнул.

– Он у чужих не берет, – гордо сообщил Вован. – Дрессированный. Ни-ни! – Он забрал у меня колбасу и швырнул Басе.

Пес взвился и на лету сцапал кусок.

– Умница, – похвалил довольный хозяин.

Меня отвели в гостевую комнату.

– Ложитесь, поспите до ужина, – ворковала Анночка.

Я покорно улеглась, собираясь дожидаться, когда хозяева про меня забудут, и тогда попробовать удрать. А пока есть возможность все хорошенько обмозговать.

Что я имею? Окно, которое не разбивали. Дом, забитый ценными вещами, аппаратурой, которые никто не тронул. Спавшую во время ограбления собаку, которую посторонний человек накормить снотворным не в силах. Кроме того, отбивший в неизвестном направлении охранник с женой. Какой следует из всего этого вывод? Одно не ясно: почему они стараются задерживать меня? Чтобы тихо укокошить и в полночь закопать на грибной полянке? Такое предположение мне совсем не понравилось, но оно великолепно объясняло хладнокровие Вована и его жены: они не боятся быть раскрытыми. С другой стороны, я настолько не в форме, что ждать ночи им вовсе не обязательно, а тем более печь ради меня пироги. Будь их воля, я бы давно уже покоилась с раскроенным черепом на дне бочки с груздями. Так нет, они вполне искренне за меня беспокоятся.

Менделеев открыл свою таблицу во сне, а Пушкин во время сна сложил некоторые свои стихотворения. Чем я хуже? Я задремала, но почти сразу же очнулась. В голову одна за другой пришли две мысли. Они заставили вскочить с постели и на цыпочках подкрасться к двери. Я прислушалась. Анночка гремела кастрюлями на кухне, а Вован гонял хозяйский телевизор. Я прошмыгнула в Макаркину спальню.

Так, сначала проверим клавиатуру. К моему разочарованию, она оказалась чистой. Я пораскинула мозгами и взялась за шнур. Компьютер был подключен к сети через сетевой фильтр «Заслон». Ура! Поближе к розетке на проводе выделялось несколько красненьких пятнышек. По внешнему виду – лак для ногтей. Я пристально посмотрела на компьютер, словно ожидала, что он заговорит и расскажет обо всех преступлениях хозяев. Мое внимание привлек кактус – жертва радиации. Кажется, обычно цветы клонятся к источнику света, а этот упрямо отворачивается от окна. Я припомнила планировку в кабинете. Да, там несчастное растение не нарушало бы законов биологии.

Словом, не крал, Макарушка, никто твоего компьютера. И есть у меня подозрение, что тебе это хорошо известно. Зачем тебе надо устранить меня из города, я пока не докопалась, но обязательно выясню. Я вредная, упорная и не люблю, когда мною пытаются манипулировать. Я все разужаю, чего бы мне это ни стоило. Очень опрометчивое заявление.

Стараясь не шуметь, я спустилась по лестнице и выскочила из дома. Теперь в гараж. Слава богу, Вован его не запер. Рядом с моей «девяткой» стояла белая «Нива». С минуту я раздумывала, не воспользоваться ли мне ею. Отсутствие ключей – не проблема. Мои колебания прервал появившийся на пороге Бася. Он не рычал, не лаял, не делал угрожающих движений, а улегся у входа, наблюдая за мной и давая понять, что разворовывать хозяйскую собственность не позволит.

Стараясь не поворачиваться к псине спиной, я принялась ставить запаску. Одного этого обычно хватало, чтобы испортить мне день, но сегодня я уже притерпелась к крупным и мелким неприятностям. Возилась я долго. Руки тряслись, я покрылась испариной и дрожала от сквозняка. Оброненные инструменты мешал искать сумрак: свет включить я не рискнула.

Закончив работу, я украдкой пробралась до ворот и настежь их распахнула. Выезжая со двора, я успела заметить, как из дома выскочил Вован, но было уже поздно – я вырвалась на свободу.

На третьей космической скорости промчалась по деревне. Гуси, утки и коровы врассыпную разлетались из-под колес. Обошлось без жертв. Как сумасшедшая, я вылетела на трассу. Глянула в зеркальце – никого. Можно сбросить скорость, не ровен час, кого-нибудь сшибу.

Глава 4

Как и предсказывал Вован, зарядил мелкий моросящий дождик. Смеркалось. Фары с трудом освещали мокрую дорогу. Сумерки – самое неприятное время. Без фар темно, но и с ними не намного светлее.

Машин было мало. Навстречу промчался «КамАЗ», и минут пять я ехала в абсолютном одиночестве. Потом из зеркальца заднего вида в глаза ударил яркий слепящий огонь. Следовавший за мной грузовик врубил дальний свет. Я посигналила. Никакой реакции. Я выглянула в окно и узнала давешний «КамАЗ». На мои гудки он отреагировал тем, что прибавил газу. Я забеспокоилась. Что за безобразие? «КамАЗ» неотвратимо приближался. Безумие! Дорога, как каток. Я выдавливала из «девятки» все, что могла, но у него движок сильнее. «КамАЗ», задев багажник моей машины так, что она подпрыгнула, пошел на обгон, оттесняя меня к обочине. Мне оставалось только молиться.

Показались встречная фура и пяток следовавших за ней машин, собиравшихся обогнать ее, как только они минуют нас. Увидев «КамАЗ», они дружно взвыли и ругательно заморгали фарами. Ему пришлось отстать. Может, резко развернуться и пристроиться за ними? У «КамАЗа» совершить быстрый разворот не выйдет. Но нужный момент был упущен.

И снова гонка. Мы влетели на мост через поросшую камышом речушку. «КамАЗ» понесся по встречной полосе и поравнялся со мной. Сейчас толкнет, и я полечу вниз. Я ударила по тормозам и дала задний ход. А он проскочил вперед. При спуске с моста дорога довольно резко сворачивала влево. Водитель «КамАЗа» попробовал повторить мои действия, но не справился с управлением. Огромные колеса заехали по лужам. Машину развернуло почти на девяносто градусов, и она, мягко соскользнув в кювет, завалилась набок.

Я поскорее проскочила опасный поворот и минут пятнадцать неслась как угорелая, хотя понимала, что преследовать меня некому. Пережитый стресс гнал вперед. По тарасовским дорогам так ездить нельзя, но об этом я вспомнила, лишь сильно стукнувшись на колдобине. В моторе что-то заурчало, машина задержалась. Столкновение с «КамАЗом» на пользу ей не пошло. Я только успела подрулить к обочине, как мотор заглох.

Намертво вцепившись в руль, я таращилась на пустынную дорогу впереди. Накрапывал серенький дождик, оставляя на капоте смешные кляксы, а по стеклам стекал редкими дорожками слез. В природе над всеми прочими возобладал серый цвет: ни тебе желтого листочка, ни синички, ни банки из-под колы. Серое небо над мокрым асфальтом да по краям дороги унылые голые столбы. Безрадостная картина. Будто специально для больного человека, чтобы он не чувствовал себя лишним на празднике жизни.

Чепуха в моей голове на какое-то время затмила все разумные предположения и предположения. Надо было что-то делать, и я, сделав над собой грандиозное усилие, расцепила скрюченные пальцы, положив руки на колени. Потребность в действиях на этом исчерпалась, и я замерла опять, ощущая себя полной развалиной.

Где-то в недрах носа рокотало при каждом вдохе, хотя я уже давно дышала ртом. Горло горело, во рту пересохло, в ушах стреляло (слава богу, только в ушах), перед глазами стоял туман. И, как назло, именно в тот момент, когда от человечества ждешь жалости и понимания, какие-то идиоты решили меня прикончить, словно сговорившись с вирусами гриппа и гнусными стафилококками. Не дождутся!

Чувство противоречия – одно из самых загадочных. Повинуясь ему, люди иногда совершают подвиги, безумства и прочие великие поступки. Взять, к примеру, меня: я выпрямилась, грозно высморкалась (слышали бы меня недоброжелатели – заработали бы икоту, изжогу и ночные страхи) и попыталась завести машину. Сейчас главное – добраться до дома, до горячей ванны, до шерстяного одеяла. Вот выплусь, подлечусь и пойду воевать. М-да, машина

не заводилась. Я обозвала ее сначала цензурно, потом нецензурно, потом извинилась и стала заискивающе умолять о снисхождении. Тщетно. Очередная шутка судьбы неожиданно разве-
селила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.